

Что было раньше: утка или яйцо?

Тридцатое мая, день после ежемесячного экзамена.

Чу Цы подозвал к себе обоих воспитанников и строго наказал им прилежно учиться в его отсутствие. В случае же нужды он велел обращаться за помощью к Чжан Вэньхаю или остальным друзьям.

Мальчики вели себя на редкость послушно. Они провожали его тоскливыми взглядами, отчего у молодого человека даже защемило сердце: уезжать предстояло на несколько дней, и он поймал себя на мысли, что уже начинает по ним скучать.

Однако стоило ему закинуть узел за плечи и переступить порог, как за спиной раздалось едва слышное, приглушённое ликование. Молодой человек стремительно развернулся и заглянул в комнату, но дети по-прежнему смотрели на него невинными, полными немного обожания глазами.

«Хм, ликование Шрёдингера: оно вроде бы и было, а вроде бы и нет»

Вместе с двумя товарищами Чу Цы вышел за ворота уездного училища, где у входа в переулок их ждали две кареты. Снаружи они казались довольно просторными, но внутри места было в обрез: двоим — в самый раз, а втроём пришлось бы тесниться.

В этот момент занавеска переднего экипажа приподнялась, и наружу выглянуло круглое, сияющее благодушной улыбкой лицо, напоминающее лик Будды Майтрейи:

— Учитель Чжу, к несчастью, вчера занемог — подхватил простуду, так что глава академии поручил мне возглавить поездку.

Увидев, что сопровождать их будет учитель Чжоу, Цзян Хуай и Чэнь Цзыфан переглянулись. Оба мгновенно решили, что спасать нужно прежде всего собственную шкуру.

Потому, словно по уговору, они дружно сложили руки перед Чу Цы в прощальном жесте:

— Брат Чу, не сочти за труд составить компанию учителю Чжоу. У нас тут с прошлого вечера остался один неразрешённый вопрос, нужно обсудить.

Юноша, не почуяв подвоха и видя их полные надежды лица, лишь кивнул.

«Ну, поеду с учителем, эка невидаль»

Он развернулся и взобрался в карету к наставнику, не заметив, как на лицах друзей промелькнуло мимолётное чувство вины, тут же сменившееся безмерным облегчением.

Час спустя Чу Цы сидел с застывшим лицом. Сначала он обречённо слушал непрекращающееся словоизлияние учителя Чжоу, а затем начал механически отвечать. Как выяснилось, тот обожал испытывать знания учеников, причём спрашивал обо всём, что попадалось на глаза, не разбирая, просто ли это или заумно. Если тема была простой, он уводил её в дебри, если сложной — упрощал до примитивности. Смысл был один: говорить не умолкая.

Закончив очередное поучение, наставник явно вошёл во вкус. Он приподнял занавеску и выглянул наружу, заметив стайку уток, качающихся на волнах. Глаза его азартно блеснули, он задвинул штору и обернулся к ученику.

«Опять» — обречённо подумал Чу Цы.

— Чу Цы, есть у меня одна фраза для парного двустипшия. Сумеешь подобрать ответ?

— Прошу вас, учитель.

— «Утки резвятся в чистых водах реки».

Юноша мельком глянул в щель между занавесками: и впрямь, стая уток весело плескалась в воде. Оглядевшись по сторонам, он приметил вдали пса, который, виляя хвостом, бежал в сторону гор.

— «Пёс лает в глухих лесах гор».

— «Стая уток резвится в чистых водах реки».

— «Одинокий пёс лает в глухих лесах гор».

— «Стая уток резвится, в чистых водах реки то ныряя, то выплывая».

— «Одинокий пёс лает, в глухих лесах гор изнутри и снаружи откликаясь».

— Ха-ха-ха! Весьма недурно, весьма! — учитель Чжоу довольно закивал. Быстрота мысли и точность слога — не зря юноша считался первым учеником училища.

У Чу Цы пересохло в горле. Он достал бамбуковую флягу, сделал глоток и понял: так продолжаться не может. Старик был настоящим мастером «забалтывания». До ближайшего постоянного двора ехать ещё не меньше часа; если так пойдёт и дальше, у молодого человека либо иссякнет разум, либо он просто умрёт от жажды.

— Учитель, вы упомянули уток, и я вспомнил один вопрос, что мучает меня с самого детства. Многие годы я ищу ответ, но тщетно. Не соблаговолите ли вы просветить неразумного ученика? — искренне и смиренно спросил Чу Цы.

Наставник оживился. Обычно люди после часа его «наставлений» впадали в полное оцепенение, а этот ученик ещё и вопросы задавать смеет?

— Спрашивай без стеснения. Коли знаю ответ — непременно разъясню.

— Позвольте узнать, учитель: всем ведомо, что утки вылупляются из яиц. Но как рассудить: что же появилось на этом свете первым — утка или утиное яйцо?

Учитель Чжоу усмехнулся, уже готовый сказать, что первой была утка, но тут же осёкся: а разве сама утка не должна была вылупиться из яйца? А если первым было яйцо, то кто его снёс?

Чем дольше он размышлял, тем сильнее хмурился. Вопрос явно поставил его в тупик. Чу Цы втихомолку усмехнулся и, прикрыв глаза, принялся восстанавливать душевные силы.

В таком покое они и доехали до постоянного двора. Когда возница окликнул его, юноша обнаружил, что в карете он один.

Чэнь Цзыфан и Цзян Хуай поджидали его снаружи. Едва увидев друга, они с виноватыми лицами поспешили к нему.

— Брат Чу, натерпелся ты лиха. Видел я, как учитель Чжоу вышел из кареты — мрачнее тучи, лицо суровое. Наверняка ты заснул, пока он тебя экзаменовал? Пойди позже, принеси извинения. Старик он добрый, отходчивый, непременно простит, — наставлял Цзян Хуай, боясь, как бы Чу Цы не испортил себе репутацию в глазах наставника.

Чу Цы лишь загадочно улыбнулся. Заманив обоих друзей в укромный переулок, он устроил им хорошую взбучку, и лишь после этого обида за дневную «подставу» окончательно испарилась.

— Брат Чу суров, но справедлив — слов на ветер не бросает. И вовсе я не заснул, это учитель не смог ответить на мой вопрос.

Цзян Хуай и Чэнь Цзыфан давно привыкли к странным словечкам товарища. Как-то раз, после того как он снова занял первое место на экзамене, кто-то попытался его уязвить, а Чу лишь

бросил: «Не стоит обожать меня, я лишь легенда», — звучало дико, но на редкость метко.

Такие, как Чжан Вэньхай, чья кожа была потолще, и вовсе подбирали за ним эти фразочки, щеголяя ими направо и налево. В конце концов, юноша всегда мог сказать, что и сам где-то это слышал.

— Ты поставил учителя в тупик? — Цзян Хуай, всегда жадный до сложных задач, загорелся: — Что же это за вопрос? Рассказывай, брат Чу, давай же!

— Ха-ха, поверь, тебе лучше этого не знать, — Чу Цы весело рассмеялся и, поправив одежду, с безупречным видом вышел из переулка.

Он оставил друзей в глубоком раздумье: что же это за загадка такая, над которой застрял сам учитель Чжоу?

Может, снова какая-то нелепица?

***

К ужину учитель Чжоу не спустился. Чу Цы, всерьёз опасаясь, что старик слишком глубоко ушёл в свои мысли, вызвался сам отнести ему еду.

Услышав стук, старик велел войти. Увидев на пороге Чу Цы, он первым делом невольно прикрыл лицо широким рукавом, но, осознав нелепость жеста, откашлялся и произнёс:

— Оставь поднос. Я намерен почивать, иди к себе.

Он явно боялся, что юноша потребует ответа на дневную загадку.

Чу Цы мягко улыбнулся:

— Позвольте мне услужить вам за трапезой. Сегодня подали тушёную рыбу; я слышал, у вас зрение не так остро, позвольте мне выбрать кости?

Под «неострым зрением» юноша подразумевал легкую близорукость — по его прикидкам, у наставника было диоптрии две-три.

— Кхм... Не стоит. Обойдусь без рыбы. Ступай отдыхать. Да, кстати... тот вопрос, что ты задал днём... я пока не нашёл решения. Поразмышлю над ним ночью.

— Учителю не стоит утруждать себя долгими думами. Днём я припоминал содержание одной

книги, и мне кажется, та загадка, что мучила меня десятки лет, наконец разрешилась.

— О? Ну же, говори скорее! — Учитель Чжоу едва не подскочил. Он мучился весь остаток дня, едва не лишившись рассудка от этой круговерти мыслей, но к какому бы выводу ни приходил, всё казалось неверным.

— Учитель, дорога была долгой, вы наверняка утомились. Сначала поешьте, а я буду подкладывать вам кушанья, и за едой всё разьясню.

Молодой человек боялся, что наставник заморит себя голодом, за что наставник Цинь непременно устроил бы Чу разнос.

Увидев яства, старик и впрямь почувствовал голод. Он принялся за еду, внимая словам ученика.

— Та книга была из разряда редких сочинений времён Троецарствия, зовётся она «Записи о Трёх и Пяти». Там сказано: «Мир в начале своём был хаосом, подобным куриному яйцу, и Паньгу зародился в нём». Я рассудил так: раз само Небо и Земля в зачатке своём имели форму яйца, то, стало быть, и яйцо утиное предваряло появление утки. Ибо всё сущее в подлунном мире берёт начало от тех первоначальных форм.

Учитель Чжоу замер с набитым ртом, переваривая услышанное. Он мысленно повторил слова Чу Цы дважды, и чем больше думал, тем логичнее казался такой ответ. В конце концов, лучшего объяснения всё равно не найти.

Избавившись от гнетущей думы, он ощутил небывалый аппетит и умял две полные чаши риса. Юноша поспешил убрать посуду — то голодает, то объедается, неровен час, старик занеможет, и виноват во всём будет он один!

<http://bllate.org/book/15354/1439094>